

КИРОВ НА МЯСОКОМБИНАТЕ

Рассказывая об этом памятнике, хочется говорить загадками – в духе какой-нибудь телевикторины, учиненной по принципу «веришь – не веришь». Вопрос, например, можно сформулировать так: «Верите ли вы, что в Санкт-Петербурге есть памятник партийному деятелю, на пьедестале которого литыми накладными буквами изображено слово ЧОРТ?»

Правильный ответ: да! Верим!.. Оно и понятно – иначе бы не спрашивал. Установлен памятник в 1937 году. Высокий – вместе с постаментом почти восемь метров. В некотором смысле памятник можно считать засекреченным. Посторонним доступ к нему закрыт, стоит он на территории предприятия, долгие годы известного как Ленинградский мясокомбинат им. С. М. Кирова. Разумеется, это и есть памятник С. М. Кирову,

главному опекуну «гиганта мясной индустрии» в пору его строительства и запуска мощностей.

«Гиганта» еще называли «первенцем», и в этом слове угадывался вызов Москве. Фигуры ленинградского патриотизма тогда еще допускались. В альбоме, изданном по прошествии года бесперебойной работы предприятия, сообщалось гордо: «Строительство Ленмясокомбината, начатое почти на год позже Московского и Семипалатинского комбинатов – было закончено в двадцать три месяца и введено в эксплуатацию раньше Московского, несмотря на значительно больший физический объем работ». Опережение, надо сказать, составило день, а вот про «физический объем работ» все верно, без дураков, – строить начинали далеко за чертой города, в чистом поле (грязном, скорее...), где ничего не было, даже подъездных путей...

По свидетельству очевидцев, в конце тридцать шестого мастерская скульптора Томского была заставлена многочисленными моделями Кирова. Скульптор, всесоюзной славы еще не снискавший, но победивший в престижном конкурсе, работал над тремя Кировами сразу.

Первого декабря – в день второй годовщины рокового выстрела в Смольном – «Прав-

да» репродуцировала фотографию: Киров перед трибуной XVII съезда партии – возбужденный, воодушевленный, с высоко поднятой рукой. Снимок в равной степени вдохновлял обоих – скульптора и архитектора, Николая Томского и Ноя Троцкого. В разговоре с корреспондентом газеты «Литературный Ленинград»^{*} Томский так сформулировал концепцию памятника: «Киров счастливый и радостный». Идею «счастливого и радостного» Кирова берегли для главного монумента – перед только что построенным (по проекту Троцкого) Кировским райсоветом, но к 1938-му концепция изменилась – вождь ленинградских коммунистов получился скорее «пламенным», чем «радостным», скорее «убежденным», чем «счастливым».

А вот «счастливым и радостным» реализовался он (1937) на мясном комбинате.

Во-первых, выражение лица: явно оратор произносит речь с нескрываемым удовольствием. Во-вторых, поза: оптимистический взмах рукой. В третьих, карман гимнастерки, у сердца: он слегка оттопырен, тут и гадать не надо, что там. Партийный билет.

В четвертых, опора для левой руки: толстая книга. Снизу не видно, что это за книга.

^{*} «Литературный Ленинград». 5 декабря 1936.

Специально я ее не фотографировал, но, придя домой и увеличив общий снимок, так и ахнул: «ЛЕНИН. СТАЛИН», четкими буквами на корешке. Томский, конечно, изваял бюст Сталина для его могилы у Кремлевской стены, но так то было при Брежнев, это не в счет, – при Хрущеве же все три ленинградских памятника Сталину, сотворенные Томским, естественно, были демонтированы. Полагаю, Киров на мясокомбинате – это единственный из переживших годы сталинборчества памятников в городе, а может быть, и в России, на котором сохранилось имя «Сталин». В неприкосновенности! Ути-ил-таки Киров.

В-пятых, и это главное: надпись. Совершенно необычная надпись:

**«УСПЕХИ,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО,
У НАС ГРОМАДНЫ.
ЧОРТ ЕГО ЗНАЕТ.
ЕСЛИ ПО ЧЕЛОВЕ
ЧЕСКИ СКАЗАТЬ,
ТАК ХОЧЕТСЯ –
ЖИТЬ И ЖИТЬ.»**

То, что надпись сделана на щите, который держат работница и работник отжимного

пресса, установленного в убойно-разделочном корпусе, придает, конечно, формуле «жить и жить» весьма своеобразный оттенок, но главное не это. Главное – так не пишут на пьедесталах. Что еще за «чорт его знает»?!. Кого знает «чорт»? Мыслимо ли такое на памятнике?!

В наследство от деда мне досталось несколько специфических книг. Экземпляр стенографического отчета XVII съезда ВКП(б), которым я располагаю, можно считать редкостью. Дело в том, что всем членам партии, имевшим на руках подобные книги, полагалось вычеркивать из списка состава руководящих органов чернильным карандашом имена врагов народа, – мой дед проявил едва ли не вольнодумство: имена врагов народа он вычеркнул карандашом простым, так что они легко поддаются прочтению. Из семидесяти одного члена ЦК вычеркнуто пятьдесят семь. Из шестидесяти восьми кандидатов в ЦК вычеркнуто шестьдесят три. Трое – Орджоникидзе, Куйбышев и Киров – обведены простым карандашом в рамочку. Для них это тоже был последний съезд.

Так вот, мне не доставило большого труда найти в кировском выступлении на странице двести пятьдесят восемь те самые, исполненные оптимизма слова. Выступление на-

зывалось «Доклад товарища Сталина – программа всей нашей партии». Киров произнес много суровых и, на сегодняшний взгляд, жутковатых слов, но, когда речь зашла о критике и самокритике, он неожиданно повеселел. О самокритике он сказал (привожу для контекста): «Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чем предупреждал товарищ Сталин». После чего и выдал, не сдержав душевного порыва, эмоциональное «чорт его знает».

Но самое интересное, что на «жить и жить» фраза не завершается! После «жить и жить» следует ремарка, в отчете она, как ей и положено, выделена курсивом и заключена в скобки: «(смех)». Вот чего нет на постаменте!.. Но и это не все – фраза продолжается: **«...на самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!»*** И далее следует ремарка, совершенно не типичная для репертуара съездовских ремарок: «(Шумные аплодисменты)». Не бурные, не продолжительные, не какие-нибудь еще, а именно «шумные» – отвечающие чему-то исключительно не-

---

* XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., Партиздат. 1934. С. 258.

обычному. Судя по ремаркам, Киров еще трижды смешил съезд (нам сейчас этого юмора не понять), но это уже к нашей теме не относится.

Если еще глубже копнуть, надо будет заметить, что еще в конце тридцать шестого скульптор Томский, как следует из его разговора с упомянутым корреспондентом «Литературного Ленинграда», мечтал воспроизвести на фронтальной грани постаamenta ту самую фразу во всей ее полноценной красе (но, разумеется, без ремарки). «Непосредственное наблюдение за отливкой памятника» осуществлял заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма Ленинградского обкома ВКП(б) тов. Б. П. Позерн. Предполагаю, он и не допустил выражения **«на самом деле, посмотрите, что делается»**.

Как бы то ни было, многозначительный накладной знак признания в виде литой точки в конце цитаты заменяет собой не что иное, как ремарку «(смех)». По-видимому, так и надо воспринимать слова, приведенные на пьедестале – весело, со смехом. Да ведь и у бронзового Кирова, согласно концепции Томского, лицо смеющееся почти. Впрочем, когда памятник открывали – 21 марта 1937 года, – было как-то не до веселья уже... Цитирую репортаж с открытия,

приведенный в многотиражной газете «Мясной гигант»:

«...В первых рядах тесным полукругом стоят дети – учащиеся средней школы мясокомбината. Они поют:

...Пролетарий, на баррикады,
В огне весь горизонт...

Песня звучит призывом к борьбе и победам. Она является грозным ответом на гнусную вылазку врагов народа – подонков контрреволюционной троцкистско-зиновьевской своры, предательски оборвавших жизнь Сергея Мироновича Кирова».*

Приговор по делу о троцкистско-зиновьевском блоке еще не был оглашен, но в «Мясном гиганте» уже появлялись заголовки вроде такого: «Уничтожить фашистских гадов всех до единого». За неделю до митинга, посвященного открытию памятника, на комбинате прошло собрание инженерно-технических работников. В плане самокритики критиковали себя за отсутствие как раз самокритики и, как следствие, бдительности: только что в колбасном цехе была разоблачена группа вредителей, но не коллегами по работе, а сотрудниками НКВД.

* «Его имя зовет нас к борьбе, к новым победам». «Мясной гигант». 22 марта 1937.

«Тов. Алексеев горячо призвал инженерно-технических работников ликвидировать деляческие настроения, подняв революционную бдительность, и повседневно овладеть большевизмом».*

Слова об «овладении большевизмом» это из доклада Сталина на недавнем пленуме. Доклад «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» газета «Мясной гигант» напечатала через полторы недели после открытия памятника. Кампания критики и самокритики наберет новые обороты. На хозяйственном активе директор Алексеев покается в том, что «ездил защищать» разоблаченных НКВД вредителей из колбасного цеха. «Мне все не верилось, что люди, работающие у нас давно, могут так напакостить советскому государству. Только теперь, после решений пленума ЦК партии и указаний тов. Сталина, я понял, как, увлекаясь хозяйственными проблемами, все мы забыли о капиталистическом окружении, забыли о революционной классовой бдительности...»** Сам Г. М. Алексеев, дирек-

* М. Черных. «Против зазнайства и самоуспокоенности, за большевистскую критику и самокритику». «Мясной гигант». 22 марта 1937.

** «Мясной гигант». 25 мая 1937, № 39 (350).

тор мясокомбината, будет репрессирован несколько позже.

«Критика», «самокритика» и «бдительность» – вот ключевые слова той поры, что легко прослеживается по подшивкам хотя бы «Мясного гиганта».

Думаю, в дни процесса над троцкистско-зиновьевским блоком архитектор Троцкий (а это он спроектировал корпуса мясокомбината) ощущал себя особенно не в своей тарелке. Да и скульптор Томский после того как застрелился уклонист Томский, «запутавшийся в своих связях с троцкистско-зиновьевским блоком», не раз пожалел, что взял такой псевдоним. Оставался бы Гришным, не было бы вопросов.

Но довольно о грустном.

Надо рассказать о горельефах. Они столь же оптимистичны, как и произносящий речь бронзовый Киров.

Вот Киров, изображенный в момент посещения комбината в мае (по другим сведениям в июне) 1933-го. Тогда сдавался в эксплуатацию холодильник, один из крупнейших в Европе. Насколько я понимаю, Киров подбадривает работника, осваивающего импортный компрессор «Барбери», холодопроизводительность которого шестьсот килокалорий в час (фотографии этого аммиач-

ного агрегата встречаются как в отраслевых газетах, так и в специальных изданиях).

На других горельефах Кирова нет. Вот рабочие – уже самостоятельно, без него – запускают котел «Лаабса». Это, по всей видимости, отделение сухой вытопки жиров, занимающее один из этажей убойно-разделочного корпуса.

Он и она. Она – с лопатой в руке. Уголь? Известно, что комбинат использовал печерский уголь (дрова шли на копчение). Скорее всего, обслуживается один из вакуумных котлов, на данном горельефе не поместившийся. Для вытопки жиров требуется тепловая энергия.

«Вдохновитель пищевой промышленности» Анастас Иванович Микоян, чьим именем назовут московский мясокомбинат, на том же XVII съезде партии позволил себе эффектное выражение: «...чудеса американской мясной техники, перенесенные на нашу Советскую почву».

Чудеса везде чудеса.

А у нас все равно чудеснее.

Июнь 2007